

А.С. Колесников
Стратегии Жана Бодрийяра

Рецензия на книгу: Дьяков А.В. Жан Бодрийяр: стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 357 с.

Книга А.В. Дьякова «Жан Бодрийяр: стратегии "радикального мышления"» представляет собой первую русскоязычную монографию, посвящённую творчеству замечательного французского мыслителя. Жан Бодрийяр (1929–2007) принадлежал к тому поколению философов, которое выросло на почве борьбы с феноменологией и экзистенциализмом, утратившими былую мощь, как и стало свидетелем поражения «майской революции» 1968 г. Принадлежа к одной эпохе, Бодрийяр оказался в высшей степени востребован другой. Будучи одним из самых значительных мыслителей «старой Европы», он стал теоретиком нового мира, каким мы его знаем сегодня. В наши дни редкое исследование проблематики современности обходится без упоминания его имени. Однако, несмотря на такую популярность Бодрийяра, в России до сих пор не было монографии, подводившей общие итоги его творчества и обобщавшей его взгляды.

О Бодрийяре у нас писали много — были статьи, обращавшиеся непосредственно к его философии, были работы, использовавшие «методологию» Бодрийяра. Незнакомцем его никак не назовёшь. Мне выпала удача встречи с Жаном Бодрийяром на философском факультете Санкт-Петербургского госуниверситета и я даже написал об этом в журнале Гуманитарной академии. В то время (1996 г.) в России была переведена всего одна его работа «Система вещей» (1995), на которую он по моей просьбе и поставил автограф. Философ очень удивлялся, что так мало знают его другие, более важные работы. Сейчас эти книги переведены, как и многие его статьи. Статей, описывающих его творчество, уже достаточно много. Давно назрела потребность в обширном труде, объединяющем его мысль в единую картину. А.В. Дьяков блестяще справился с этой задачей. Однако **этим** достоинства его работы отнюдь не исчерпываются. **Автор пишет** о том, чего мы до сих пор не знали или мимо чего проходили, не успевая задумываться. Мы знакомимся с «другим» Бодрийяром — Бодрийяром-гегельянцем, Бодрийяром-патафизиком, Бодрийяром-гностиком, причём ни одна из этих ипостасей не затмевает другие и не превращается в абсолют. Это очень удачный ход, выгодно отличающий труд А.В. Дьякова от многочисленных статей, в которых Бодрийяр предстаёт под ярлыками «социолог», «теоретик масс-медиа» или «человек, придумавший симулякры». На Западе, кстати, ситуация мало отличается от отечественной: несмотря на огромную популярность Бодрийяра, аналитические монографии, посвященные его философскому творчеству, крайне редки (во Франции о нём до сих пор не написано ни одной книги).

В рецензируемой книге речь идёт о Бодрийере-философе. Это ни в коем случае не означает, что автор оставляет без специального рассмотрения многие стороны его творчества. Конечно, он в значительной степени затрагивает политику, эстетику, социологию и т.п., однако, предупреждает Дьяков, работам о Бодрийере — политике, социологе, эстетике, — ещё предстоит быть написанным. Это же книга о философии Бодрийера. Сама задача, достаточно емкая, заставляет а priori отказаться от выстраивания неких чётких схем развития философии французского мыслителя, который и сам признаёт, что он "не ориентирован на окончательные решения и не нацелен на построение завершённых систем". Поэтому он не застывает ни в каких "ставших" (по Шпенглеру) формах, но эволюционирует¹.

А.В. Дьяков начинает свою работу с выяснения оснований знаменитого бодрийеровского «радикального мышления», т.е. с попытки выстроить своего рода метаметодологию «теоретического насилия». Эта тема красной нитью проходит через всю книгу.

Бодрийер действует виртуозно: опираясь на тот или иной методологический подход, он получает от него необходимый импульс движения, а затем доводит его до логического завершения, так что в этой крайности самый подход самоуничтожается. Л Бодрийер тем временем движется дальше. В этом движении он подобен «пассажиру без места», о котором говорил Делез: постоянно перемещаясь, он пребывает везде и одновременно нигде... Тем не менее, в творчестве французского философа можно выделить не постоянно присутствующие, но перманентно «всплывающие» методологические подходы — структурализм, марксизм, психоанализ. Кроме того, в каких-то моментах Бодрийер — и логик, и диалектик. Но не стоит ни на минуту забывать, что всё это — лишь скольжение по методологическому пространству, не имеющему для Бодрийера никаких привилегированных топосов².

Автору вполне удаётся справиться со столь сложной задачей — не пытаться втиснуть мысль Бодрийера в прокрустово ложе академических определений, оставаясь при этом в русле академического исследования.

Далее А.В. Дьяков предпринимает систематическое (а вернее сказать, симптоматическое) исследование философии Бодрийера. Основными опорными моментами книги становятся онтология симулякра, символический обмен и своеобразно решаемая проблематика желания. Автор прослеживает развитие концепта «симулякр» в творчестве Бодрийера, предлагая его оригинальную аналитическую сводку. Вместе с тем, мысль Бодрийера вписывается в широкую панораму философской мысли. А.В. Дьяков убедительно показывает, что французский философ не является ниспровергателем западноевропейской традиции, каким его изображает расхожее мнение:

Отклоняя принцип реальности, Бодрийер утверждает реальность феноменов соблазна и экстаза. Так что его трудно назвать нигилистом. Скорее, он реалист. Собственно, ничего ужасного с реальностью в философии Бодрийера не происходит. Просто она стала нерепрезентативной. Но это не отменяет сущего. Сущее как таковое в своей определённости всегда ссылается на иное, которое задаёт предел сущему и тем самым определяет его. Так что сущее (и не только у Бодрийера) задано как таковое в качестве системы отсылок, которые его конституируют³.

¹ Дьяков А.В. Жан Бодрийер: стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 5.

² Там же. С. 38.

³ Там же С. 82.

Но самым удачным, на мой взгляд, обстоятельством, отличающим работу А.В. Дьякова, является его последовательная опора на то, что у Бодрийера заменяет теорию — критический пересмотр марксизма в свете понятия «символического обмена».

Гипотеза потребительной стоимости представляется Бодрийеру неприемлемой не сама по себе. Её отмена выступает абсолютной предпосылкой двойного анализа, который философ предпринимает в своих работах 1970-х гг.: 1) анализа различающей социальной функции предметов и 2) анализа политической функции идеологии, связанной с первой. Гипотеза потребительной стоимости приписывает предметам функциональный статус, связанный с техническими операциями, а тем самым — статус опосредования «природных» потребностей индивида. Иными словами, зиждется на мифе о «природности», который вслед за Бартом развенчивает Бодрийер... Он предлагает поменять местами потребительную и знаковую стоимости, признав приоритет второй над первой¹.

Профессор А.В. Дьяков предпринимает целое генеалогическое исследование бодрийеровского концепта символической стоимости, прослеживая параллели с концепциями М. Мосса, К. Леви-Строса, Ж. Батая, Ж. Лакана, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Делеза и Ф. Гваттари и, конечно же, К. Маркса. Кстати следует отметить, что в рецензируемой книге Бодрийер вообще редко оказывается в одиночестве, ибо автор постоянно и сознательно стремится выявлять самые различные грани его мысли в сравнении с классиками и современниками. Впрочем, об этом я скажу отдельно. Вместе с тем, А.В. Дьяков не затушёвывает тёмные и проблематичные моменты бодрийеровской мысли, что, сколь бы парадоксальным это ни казалось на первый взгляд, лишь способствует её прояснению. Приведу в подтверждение обстоятельную цитату из его сочинения.

Можно, конечно, обвинить Бодрийера в тавтологии: если медиа функционируют определённым образом, не имея для этого никакой внешней причины, значит, такова их *природа*; природа же медиа состоит в том, чтобы функционировать определённым образом. Мы сталкиваемся с тем же пределом философии Бодрийера, с которым мы уже имели дело при обсуждении общей природы симуляции. В конце концов, заявление «такова их природа» означает «я не знаю». И Бодрийер не стыдится этого «я не знаю». Во-первых, мы действительно не можем постичь сущность той системы, частью которой сами и являемся — об этом говорил и Фуко в своей «археологии». Во-вторых, сам подход, требующий обнаружения сущности происходящих процессов не может нас привести ни к чему, кроме заявлений об их «природе». И позиция Бодрийера ничуть не более уязвима, чем позиция рационального знания. Всё, в конечном счёте, упирается в эту «природу». Марксизм, например, говорит нам, что медиа представляют собой надстроечную структуру, базисом которой выступают экономические процессы, которые, в свою очередь, опираются на *природу* человека и мира. И марксистов совершенно не смущает тавтологичность заявлений о человеческой «природе». Природа есть данность, и с ней нам приходится иметь дело. То же самое можно было бы сказать о «природе» медиа. Однако Бодрийер постоянно выступает против этой мифологемы «природности». Значит, он должен предложить нам что-то большее. И он предлагает: раз уж мы не можем говорить о сущности чего-либо, не прибегая к мифологии, давайте вообще перестанем говорить об этом и попытаемся выяснить функционирование того, что тем или иным образом находится перед нами. А это как раз и требует от нас развенчания мифологий. Можно назвать это нигилизмом — в ницшеанском смысле².

¹ Там же. С. 89.

² Там же. С. 211-212.

Значительную часть книги занимает тщательный анализ предпринятой Бодрийяром критики идеологических систем. Система симуляции, невозможность социального, революция и терроризм — таковы основные темы, сделавшие философию Бодрийяра столь актуальной в наши дни. А.В. Дьяков, опять-таки, очень удачно, на мой взгляд, вписывает обращение Бодрийяра к этой проблематике в его стратегию «радикального мышления». То же самое следует сказать и о чрезвычайно важном для всей современной философии вопросе о «смерти человека».

...Если объяснения Барта и Фуко относительно того, что они не объявляли несуществующим один — автора, другой — человека вообще, порой ещё принимают во внимание, то Бодрийяру прощения нет: когда поверхностный читатель его работ обнаруживает, что Бодрийяр «объявил несуществующей реальность», никаких сомнений относительно печальной участи человека быть не может. Однако и то, и другое в равной степени неверно. Как мы уже видели, Бодрийяр выступает не против реальности, а против *принципа реальности*. Пожалуй, то же самое можно сказать и о субъекте: он борется не с субъектом как таковым, а с *принципом субъекта*¹.

Детально проанализировав бодрийяровские концепции семиотики, трансэстетики и масс-медиа, А.В. Дьяков предлагает обратиться к компаративному анализу мысли Бодрийяра. «Зеркалом» философских стратегий, которое он приближает к Бодрийяру, оказываются идеи Р. Барта, Г. Дебора, Ж. Батая, Ж. Лакана. М. Маклюена, М. Фуко, Ж. Делеза и Ж. Деррида.

Бодрийяр развивал свои идеи на стыке, в перекрестье между различными дисциплинами. С одной стороны, он вроде бы социолог, и многие исследователи, ошибочно считают, что у него социологическое образование. Он развивал нечто близкое к социальной теории (которой так недостаёт Франции), но в то же время резко выступал против социологии, объявляя её лженаукой, основанной на мифологии. Поэтому он не может стать «своим» для социологов. Скорее, предметом творчества Бодрийяра является философия, которой он занимается весьма своеобразно. Он отказывается от субстантивизма и диалектики, не примкнул ни к ситуационизму, ни к тому, что принято называть «постмодернизмом».

Кроме того, Бодрийяр постоянно провоцировал всех и вся, раздавая увесистые оплеухи то марксизму, то фрейдизму, то ситуационизму и т.д. Он не принадлежал ни к каким группировкам или партиям. А это очень важно во Франции: определить, с кем ты — с Университетом или с Академией. Бодрийяр же всегда был сам по себе².

Конечно, в рамках одной монографии невозможно дать исчерпывающий компаративный анализ по всем заявленным направлениям, и эту последнюю главу книги можно считать своего рода указателем для последующих исследований. А.В. Дьяков и сам не скрывает того обстоятельства, что это своего рода план работы на будущее, а не её завершение.

Весьма любопытным элементом архитектурной конструкции монографии выглядят три раздела (автор обозначает их как «разломы»), представляющие собой своеобразные прерывания авторского дискурса. Автор словно бы на время замолкает, позволяя проникнуть в текст и ясно зазвучать трём голосам, имплицитно звучащим в мысли Бодрийяра — гегельянству, патафизике А. Жарри и гностицизму.

¹ Там же. С. 166.

² Там же. С. 278.

Метафизика сменяется патафизикой. Когда смерть пережита, она больше не представляет угрозы. Пока мы расчленили мир посредством субъектно-объектной оппозиции, мы ничего, кроме этой оппозиции, не видели. Когда мышление освободилось от этой пелены, перед ним открываются сияющие просторы. Это не наука, ибо наука всегда оставалась мышлением предметным и методическим. Мышление патафизическое — это чистый процесс, ничем не стеснённый... А значит — философия наконец-то свободна от пятавского гнёта рациональности¹.

А.В. Дьяков использует очень выгодный ход, сравнивая плавание в решетке изобретателя патафизики — доктора Фаустролля — с плаванием Бодрийера по фантазматическим морям посторгиастического мира, имплицитно намечая в своём исследовании ещё один подход — клинический, столь живо описанный Делезом и ставший одним из самых перспективных в современной истории философии. Голос Фаустролля перекликается с голосом Гегеля.

Несмотря на всю заманчивость сопоставления и сведения систем мысли Бодрийера с Гегелем, Дьяков предупреждает об осторожности. Ибо указанные философы мыслят в совершенно различных парадигмах, при этом Бодрийер постоянно выступает против историчистского телеологизма и мифологии субъекта².

Дьяков, как глубокий исследователь, выстраивает некую линию критики: «Гностики предприняли мифологическую критику экономики творения, Маркс — критику политической экономики Капитала, Бодрийер — критику политической экономики знака...»³. Подобные находки — не редкость в рецензируемом исследовании

Книга А.В. Дьякова написана весьма живо и увлекательно, не потерпев при этом ущерба в своей академичности. Она резюмирует одни стороны мысли Бодрийера и открывает для нас новые. Самое же главное — она знакомит нас с новым пространством философской мысли.

Бодрийер отказывается от философской (и всякой другой) аксиоматики, а вернее, предлагает «игру в аксиоматику». В паскалевском духе: что мы теряем и что мы приобретаем, если реальности не существует? Вполне возможно, что, когда мы примем это утверждение за исходный пункт, появятся новые Бодрийеры, которые с тем же основанием смогут предложить: давайте считать, что реальность существует. Что мы при этом теряем и что мы при этом приобретаем?.. Предел, к которому пришёл Бодрийер, — это предел определённой игры, которую он вёл по всем правилам четыре десятилетия подряд. Он предоставляет нам полный простор для других игр. И мы можем играть в них, если сможем установить их правила. Главное здесь — не пытаться подменить правила игры единым референциальным Законом⁴.

Таким образом, мы имеем обстоятельное, не лишённое насыщенного литературного стиля, исследование широко известного и мало проанализированного французского мыслителя XX века — Жана Бодрийера. Оно поможет многим интересующимся его творчеством в осознании всех сложностей его творческого пути. С другой стороны, оно настоятельно вводит нас во всю сложную палитру философских отношений, присущих XX веку.

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 271.

⁴ Там же. С. 307-308.